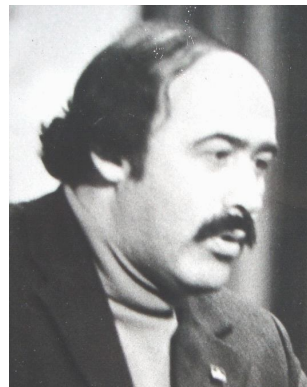

ВОЙНА И МИР В ПОЭЗИИ

Владимир Лазарев

(г. Монтейн-Вью, Калифорния, США)

Владимир Яковлевич Лазарев родился в 1936 г. в Харькове. Окончил Тульский механический институт. Известный тульский поэт и прозаик (книга «Тульский истории»). Автор многих стихов, положенных на музыку Марком Фрадкиным, Евгением Догой и другими композиторами. С 1999 г. живет и работает в США.

БЕРЕЗЫ

*(Песня из кинофильма
«Первый день мира»)*

Музыка М. Фрадкина

Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд.
Над нами весь вечер березы
О чем-то чуть слышно шумят.

Березы, березы,
Родные березы не спят.

Быть может, они напевают
Знакомую песню весны,
Быть может, они вспоминают
Суровые годы войны.

Березы, березы,
Родные березы не спят.

Неужто свинцовой метелью
Земля запыхает окрест,

И снова в солдатских шинелях
Ребята уйдут от невест?

Березы, березы,
Родные березы не спят.

Я трогаю русые косы,
Ловлю твой задумчивый взгляд.
Не спят под Москвою березы.
В Париже каштаны не спят.

Березы, березы,
Родные березы не спят.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

*(Песня из кинофильма
«Если ты прав»)*

Музыка М. Фрадкина

Гале

Зимний город уснул уже,
В синем сумраке лишь одно
На двенадцатом этаже
Не погасло твое окно.

Я вхожу в автомат ночной:
Этот свет как тревожный взгляд.
Набираю номер я твой,
И сигналы к тебе летят.
А вокруг —
 ни машин,
 ни шагов,
 только шорох афиш...

В самом центре Москвы
Почему ты не спишь?
Голос в трубке слегка дрожит,
Я волненье твое ловлю:
«Что с тобою случилось, скажи?»
Отвечаешь ты мне: «Люблю».
Я молчу... Я готов обнять
Даже дом у Москвы-реки:
«Повтори мне это опять!»
Только в трубке гудки, гудки...
А вокруг —

 ни машин,
 ни шагов,
 только шорох афиш...

В самом центре Москвы.
Ты не спишь, ты не спишь...

Где-то рядом рассвет уже,
В синем сумраке лишь одно
На двенадцатом этаже
Все не гаснет твоё окно.
Ухожу я под взгляды звезд —
Мне не спать уже все равно.
Сберегу от бурь и от гроз
Мир, в котором твоё окно!
А вокруг —
 ни машин,
 ни шагов,
 только ветер и снег...
В самом центре Москвы
Не заснул человек...

* * *

В минуту жизни наивысшей
Как бы у мира на краю
Во всем я боль живую слышу,
Во всем её распознаю.
И вижу я: мой дух неровен,
Как мало в нём ещё любви,
Я перед замыслом виновен
И перед близкими людьми.

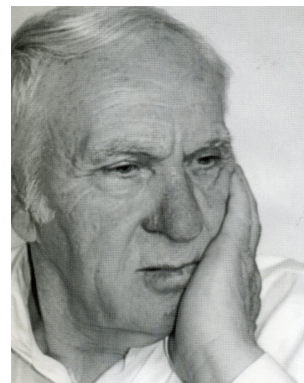
Весь путь пугающе очерчен.
И скоро, как роса с листа,
Исчезнет в дебрях человеческих
И капля моего лица.

И грады все мои, и веси,
И сизый дым, и синева
Сошлись... И вот я в чернолесье,
И вот открылась мне трава,
Траве же — сердце человеческое.
И как бы я перед могилой
Стою, свой долг не соверша,
И разрушительной силой
Потрясена моя душа.

Я облака к себе впускаю,
И листья я впускаю в дом,
И сном коротким засыпаю,
Живым, больным, горячим сном.

Виктор Пахомов
(г. Тула)

Ответственный секретарь Тульского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», Заслуженный деятель культуры РФ, академик Петровской академии наук и искусств, Почетный гражданин города Тулы, первый заместитель главного редактора журнала «Приокские зори».

* * *

Все глуше раскаты последней войны
Все дальше она год от года
Но бьется огонь благородной страны
В честь павших героев народа.

Стирается облик солдата — отца,
Забыт вкус горелого хлеба
Нетленная память нам полнит сердца
И крылья вздымают нас в небо!

И чисто, и свято сияние глаз
Шагающих майским парадом
Грядущее смотрит внимательно в нас
Своим немигающим взглядом...

ГИМН

Подаст сигнал рука маэстро,
Ударит в небо гром оркестра
И гимн мне душу опалит,
Что за судьбу страны болит.

Мне ничего тогда не надо
Восторг и гордость — вот награда!
Ты — человек, ты — гражданин,
Своей Отчизны верный сын.

Я все прощу и все забуду!
И даже красного иуду,
Его ужасную вину
Проклятием не помяну!

Лети ты, гимн, вперед и выше!
Пусть каждый Родину услышит.
Пусть знает: Родину, как мать,
Нельзя купить иль поменять.

Гордись такой, какая есть.
Лишь в ней твоя судьба и честь!

Лети над Родиной несчастной,
Звучи над Родиной прекрасной!
Неважно — то Октябрь иль Май,
Зови, с колен нас поднимай!

«ЕЖИ» НА ПЛОЩАДИ ПОБЕДЫ

«Ежи» на площади Победы
Напоминают каждый раз,
Как в сорок первом наши деды
Собою заслонили нас.
Напоминанье в их угрозе,
На полыхающей заре
О той зиме, о том морозе,
О том суровом декабре,
Когда казалось: где ты сила,
Что предварит войны закат,
Которая б остановила
Гудериановский накат?
Ответ на то был вам не ведом
К столице двигалась орда
Ответить предстояло дедам,
Что были молоды тогда.
Больны и слабы ныне деды.
К ним жалости не утаю,
Когда мы вместе в День Победы
В едином двинемся строю.
Их шаг нетвердый и неровный.
Ты их пойми и не суди,
Что греет души им Верховный,
Что на медалях на груди.

* * *

Осени поздней холодные зори
Ты провожаешь без муки во взоре
Ты понимаешь, что все повторимо,
То, что в тебе и что рядом незримо.
С нами прощаясь, летящие птицы
Смогут, дай срок, по весне возвратиться.
Все повторяется, так иль иначе,
В радостном всплеске иль горестном плаче.
Все повторяется, надо лишь верить
В то, что однажды раскроются двери,

Встанет в солдатской шинели отец,
Сердце чье выжжет фашистский свинец,
Скажет: запомнит Россию Фон Бок!
Как же похож ты на деда сынок!
Мама войдет, поцелует, обнимет,
Боль и обиду из памяти вынет.
В комнате тесной родня соберется,
Радость в уставшее сердце вольется.
Все повторяется, что живо и свято,
Все, что при жизни не знало возврата.
Все возвращается, все обратимо,
То, что душою и сердцем хранимо...

* * *

«Печально я гляжу...»

М. Лермонтов

О горьком поколении рассказ
Не затемнить нам временною далью.
Взрывной волной контузило всех нас,
И пах наш хлеб и порохом и гарью.

Войною опаленные птенцы,
Мы выжили сил малых на пределе.
Пример же, что подали нам отцы,
Принять и осознать мы не сумели.

Тоски и боли в нас не извести,
Не хватит ухищренья и старанья.
Отцы сумели Родину спасти,
А мы все отдали на закланье!

А мы ее оставили одну,
Трусливо наблюдая ее муки
И эту непростимую вину
Не раз припомнят дети нам и внуки.

За наше малодушие и страх
Ответ всем нам держать еще придется
Пока Державы возрожденный стяг
Над башнями Кремля не развернется!

О, Родина несчастная моя,
Как нам набраться мужества и силы,
Чтоб вновь и вновь судьбу твою края,
Нам не подрезать собственные жилы!?

САПОГИ

Прошел он немало военных дорог,
У братьев славян был в гостях.
Держались подошвы его сапог
На деревянных гвоздях.

Фашистскую гадину тем сапогом
Без жалости он раздавил
И майской победы неслыханный гром
Господь в его честь подарил.

Вернулся домой он и сел на порог
Вином его не обнесли.
Хотел он разуться, однако не смог:
К ногам сапоги приросли.

Подумал: Не явь это — бред или сон.
Дел столько, что не до того...
До смертного часа проходит в них он.
И в них похоронят его.

СОЛДАТ

Когда солдат идет вперед,
Своим Отечеством хранимый,
Он верит, что его возьмет,
Поскольку он — непобедимый!

Солдат плетущийся назад,
Своею Родиной забытый,
Не мыслит званий и наград,
Поскольку он уже убитый...

ИНВАЛИД

На костылях едва шагая,
Идет не нужный никому.
Страна огромная, родная
Не хочет кланяться ему!

Машины — мимо, люди — мимо!
Клокочет кровь и жжет виски.
Все это так необъяснимо,
Что сводит скулы от тоски.

Три раза ранен и контужен.
В Афганистане и Чечне
И вот такой уже не нужен
Не им, не собственной стране.

Чем мы свои деянья мерим?
Чем осеняем скорбный лик?
Я подойду, он взглянет зверем
И процедит: ты что, мужик?

НА РОДИНЕ

Человек поет, как плачет.
Он не пьяный, трезв вполне.

Он не может петь иначе
На родимой стороне.

В этой брошенной сторонке,
Где повымерла родня,
Где от черной похоронки
Мать состарилась в три дна.

Встал у дедовой березы.
Знает: жизнь идет к концу...
И бегут ручьями слезы
По померкшему лицу.

От реки плывет прохлада,
Шорох ветра в камыше.
Ничего уже не надо
Обездоленной душе.

Жизнь нельзя переиначить
Не ему и никому
Не поет мой друг, а плачет
Так, прислушайтесь к нему!

Пусть сияние заката
Догорает в полутьме.
Все, что дорого и свято,
Остается на земле.

Той, что предал, той, что бросил,
Как казалось навсегда.
Не с того ль обезголосел
И наказан без суда...

ХЛЕБ СПАСЕНИЯ

Зря судьбе своей не возражай,
Коль не ведаешь кто ты отныне?
Собирай, пожинай урожай
Молочая, крапивы, полыни.

Горевую мучицу смети,
Пусть потешится злая недоля,
Что тебя увела от земли,
От кормящего хлебного поля.

Ведь не свой хлеб жуешь, а чужой,
Зря ль душа истомилась, устала.
Для чего, за какою межой
Ты запрягал свой меч и орало?

Отыщи их, себя осознай.
Ты на верном пути искупленья.
Распаши свой непаханный край
И засеи его хлебом спасенья!

НЕУЖТО...

Везде: в Москве, Тамбове, Туле
Нас провели, нас обманули
И продолжают нас дурить,
Кого за то благодарить?

У власти прежние хватки:
У них к себе лишь интерес!
Мы вымираем: все в порядке!
Жизнь, как на Западе! Прогресс!

И что ты мне ответишь, книжник?
Неужто двигаться нам вспять?
Неужто дедовский булыжник
Нам выворачивать опять?

* * *

Жирует власть, хиреет люд,
Чиновник давится от спеси.
И никаких законных пут
Суду продажному и прессе.

В полях бурьян и воронье.
Мужик не кланяется полю.
Призывы думские — вранье,
А криминал диктует волю.

Что остается? Пить и петь
От беспредельной этой жути.
Неужто нам удел — терпеть,
Поскольку мы — рабы по сути?

И жизнь проходит наша зря
По Библии или Корану.
Нам все давно до фонаря,
Нам все уже по барабану...

* * *

А. Новгородскому

Прихваченный первым морозом,
Оранжев, малинов и розов
От листьев с берез и осин,
Промытых дождем, как один,
Проселок уводит меня
Туда, где бегут зелены
Навстречу спешащей зиме,
К объятиям стужи во тьме.
А если не выпадет снег,
К несчастью великому всех,
И к гибели... Черный мороз,

Все делает только всерьез!
В сознание терзающим мозг,
Мелькнул на мгновение Босх,
Мистический Иероним
И кто-то еще иже с ним,
Что были с природой на ты
Для вящей ее полноты.
Виденью такому не рад,
Стою — ни в вперед, ни назад,
Поняв, как я здесь одинок,
Что слез не стираю со щек.
Закатом объятый простор,
Глядит на пришельца в упор.
Но это я отвечаю ему,
Не зная и сам почему
Средь этих промерзших равнин
Застыл с ним один на один!

* * *

В черных полях ни движенья, ни шума.
Мгла еле брызжет вдали!
Мира картина слепа и угрюма.
— Друг, осторожней рули!
Это селение «Пьяные ночи»
Слышал о нем от родни
Здесь мужики любят спать при дороге.
Остерегись, не гони!
Пьют, что ни попадя и до отвала
Пьют, хоть пожар, хоть страда.
— Или своих неприятностей мало,
Что же мы едем сюда?
Я промолчу, ничего не отвечу.
Молод еще он, Бог с ним!
С детством военным я еду навстречу,
С краем сиротским моим!
Брошенным, вычеркнутым и позабытым
Здесь, у судьбы на краю.
Еду припасть к поседевшим раkitам,
Выплакать душу свою.
Я помолчу, повздыхаю устало.
Я ли в том не виноват,
Что мне своих неприятностей мало.
Не осуждай меня, брат...

Яков Шафран
(г. Тула)

Родился в поселке Брагин Гомельской области Белоруссии. В 14 лет с родителями переехал на родину матери в Тулу. В 1973 году окончил Тульский политехнический институт и в 1997 году высший психологический колледж при Институте психологии РАН в Москве. Последователь и активный пропагандист ЗОЖ. Активно занимается физкультурой. Стихи пишет с юных лет. Издано два сборника стихов – «Любимая, прости» в 2008 году и «Спасение рядом» в 2009 году. Участник поэтических сборников. Имеет свои странички на литсайтах: <http://www.stihi.ru/avtor/byans>, <http://www.proza.ru/avtor/byans>, <http://www.chitalnya.ru/users/byans/>. Живет в Туле.

ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ

Вот уже шестьдесят
И пяток еще сверху годочков,
Как чужой автомат
Не строчит похоронною строчкой.

И, бросая взор свой
На дорогу, что до горизонта,
Провожая не в бой
И встречаю я вовсе не с фронта.

Ожиданье не срок...
Вот на запад машина-попутка.
Взял я времени впрок —
Шестьдесят, еще пять и минутка.

Предо мною шоссе
Вдаль идет сквозь посты и границы —
Те же травы в росе,
Те же ржи, и все те же пшеницы.

Может не за рулем —
Задремал, может «фата-моргана»?
Но каким-то чутьем
Понимаю, не сплю, хоть и странно.

Как-то что-то в уме
Вдруг защелкнулось, и не на шутку.
И явились ко мне
Прямо в эту машину-попутку

Ослабевший от ран
Молодой лейтенант из тамбовских,
Белорус-партизан
Вот из этих лесов могилевских,

И подпольщик-поляк,
Что Москву, как небесное слушал,
Полтовчанин — остряк,
Даже «фриц», отморозивший уши.

И они вперебой
Что-то мне говорили, кричали.
А вокруг вроде бой —
Вот уж не было, братцы, печали.

Сквозь огонь кое-как
Мы прорвались, пригнувшись, успешно.
И держась за большак,
Покатили на запад поспешно.

Вот последний предел,
И попутчики вышли на трассу.
И к леску, что темнел,
На восток побежали, как к Спасу.

Лишь один только «фриц»
Не к востоку бежал, а на запад.
И бежал словно блиц
Совершал, но в обратную драпал.

Шофер долго стоял,
Все решая куда дальше ехать.
А потом щетку взял
И помыл всю машину без спеха.

На границе стоим.
Шестьдесят и пяток отделяют
Нас от наших годин.
И во время я снова ныряю.

И гляжу на окоп,
Что присыпан, заросший темнеет,
Да, тут все — перекоп:
Все окопы, воронки, траншея.

Да, и вечный огонь,
И штыки монументом до неба,
Обещанья ладонь,
Словно в сердце впечатанье герба.

И я понял сполна,
Хоть и не был в то время на фронте,
Не нужна нам война,
И любовь невозможна к «ним» вроде.

Мы из разных миров,
Мы из разных таких вот созвездий.
И к партнерству наш зов
Без «любовных» и бранных трагедий.

Я В ЛЕС ЗАШЕЛ, КАК ЗАХОЖУ ВО ХРАМ

Я в лес зашел,
Как захожу во храм,
Торжественно и с тихою печалью.
Исчез куда-то улиц гам,
Эмоций суетливых хлам,
Исчезло все,
Вернувшись к изначалью.
Я вглубь забрел,
Не выбирая троп,
Шурша опавшей желтою листвою,
Как, вдруг, внутри услышал «Стоп!»,
Но лишь лучей пробился сноп
Сквозь тихий шепот
Кленов надо мною.
А все кругом
Уже осенних нош
Полно, и все — знакомое, родное...
Вот паутинки поздней дрожь
Меж веток пишет — это ложь,
Что ясно лишь
Заведомо простое.
И вижу я,
В октябрьском лесу
Рябины кистью по холсту мазками:
Ведь это я согнулся, но несут
Так нужное в бою, сквозь полосу,
Чтоб победить
Отважными бросками.
И вижу я
Воронку на земле,
А рядом с нею длинную траншею,
И вижу, как идут со всех
Уже сторон во тьме, во зле,
Чтобы накинуть
Нам петлю на шею.
Я в этот лес
Теперь хожу, как в храм,
Торжественно и с тихою печалью,
Оставив слов и мыслей гам,
Эмоций суетливых хлам,
Припасть к истокам
Важным, к изначалью.

Иван Александров*
(г. Мценск)

PERSONALIA

Юность прошла в Туле. Здесь в 1951 году в альманахе «Литературная Тула» были напечатаны первые стихи. Отсюда в 1954 году вместе с однокурсниками уехал добровольно учительствовать на Алтай. После службы в армии вернулся в родные тургеневские места. Был учителем, инспектором роно, директором школы. Одновременно занимался творчеством. В 1970 году был принят в члены Союза писателей СССР. Лауреат Всероссийской литературной премии имени А. Фета. Автор 13 сборников стихов и прозы.

ЗАРНИЦЫ

Я рано встал из колыбели
И заспешил в большую жизнь.
Какие ветры прошумели,
Какие грозы пронеслись!

Я с упоением мальчишки
Сквозь годы долгие пронес
Незатухающие вспышки
За горизонт ушедших гроз.

Я не забыл дела и лица
Давным-давно — ушедших дней.
И колыхаются зарницы
В душе и в памяти моей...

* * *

Ивану Ивлеву

Вспоминаю радостно и грустно
Школьные далекие года.
Утром было холодно и пусто,
Замерзала в чайнике вода.

* См. также письмо Ивана Александрова в редакцию «Приокских зорь» в настоящем номере, в рубрике «Хроника литературной жизни».

Раньше всех являлось солнце в школу,
Занимало парты и столы
И улыбкой теплой и веселой
Согревало мерзлые углы.

За ночь охлажденная ветрами,
Раскалялась в коридоре печь,
И врывалась, хлопая дверями,
Пестрая мальчишеская речь.

С детства доходяги и трудяги,
Мы спешили одержимо жить
И горели неумной тягой
Все познать и переворошить.

С этой доброй завистью и жаждой
За столы садились пацаны,
Чтоб писать чернилами из сажи
Золотую летопись страны...

ПУЧОК КАЛИНЫ

Металась бабушка во сне,
Шепча бессвязно:
— Калинки мне, калинки мне,
Калинки красной...

Лежала старая, бледна,
В лихой простуде.
А в том саду была война,
Чужие люди.

Снялась из сада солдатня,
Ушли машины.
А возле камня, возле пня
Притихли мины.

Не трогай яблоню за ствол,
Не трогай ветку.
Уж подорвался рыжий вол,
Изранен Гнедко.

А дома в душной тишине
Беда нависла:
— Калинки мне, калинки мне,
Калинки кислой...

И я бегу в запретный сад
Заглохшей тропкой.
И я ступаю в этот ад
Ногою робкой.

Повисла жизнь на волоске
Немецкой мины.
Но трепетал в моей руке
Пучок калины!..

ФРИЦЫ

Избу заполнила теплом
Сгоревшая кострица.
И, сняв рубахи, за столом
Вшей выбирали фрицы.

Мы притаились на печи,
Поджав к пупку колени.
Нам грели пятки кирпичи,
Бока студили стены.

Мы возле бабки улеглись,
Не зажигая свечку,
Чтоб в темноте не забрались
Чужие вши на печку.

Ариец разгонял тоску
Гармошкой и губами:
«Скорей в Москву!
Скорей в Москву:
Там нам готовят баню!»

Закутав теплой тряпкой нос,
Пошли в Москву солдаты.
Непредсказуемый мороз
Погнал их вдаль от хаты.

А дед вдогонку зло шептал
И шмыгал сапогами:
Не то плясал,
Не то топтал
Заблудших вшей ногами!..

АРИНКИН ХУТОР

*Ивану Рыжову**

Шагал в заснеженной дали
Декабрь сорок второго.
А за санями вдаль брели
И овцы, и корова.

* В самом первом номере нашего журнала («ПЗ» № 1, 2005) мы опубликовали рассказ замечательного орловского писателя Ивана Рыжова «Лебедушки».

В какой-то стороне глухой
Вошли мы в сорок третий.
Аринкин хутор в час ночной
Нас громким лаем встретил.

На нем кончался белый свет
В завьюженной пустыне.
Ни радио и ни газет
Здесь не было в помине.

Ни капли ключевой воды,
Лишь пруд вонюче-ржавый.
Мы для питья и для еды
Сгребаем снег шершавый.

Корова бережно жует
Рябинку с полынками.
Хозяйка уголь бережет,
А топит кизяками.

Мы засыпали на полу
В сыром холодном доме,
Зарывшись с вечера в углу
В попонке и соломе.

Мне снился деревенский сад,
Пылавший жарким цветом.
А где-то дрался Сталинград —
Невидим и неведом.

РЕКВИЕМ

*Велика Россия, а отступать
некуда: позади — Москва*

Политрук В. Клочков

Земля тревожно и устало
Гудела далеко окрест.
А поезд мчал из Казахстана
Их на неведомый разъезд.

Бросалась здесь
Под танки осень
За честь отеческой земли.
Дрались бесстрашие но
Двадцать восемь
И здесь навечно залегли.

Забыв про небо голубое,
Они со связками гранат

Лежат и ждут сигнала к бою —
Уже полвека здесь лежат.

Лежат, как будто на чужбине,
Прикрыв собой святую пядь.
Что делать им?
Куда им ныне
И наступать,
И отступать?

Они не знают, воскресая,
Неравный принимая бой,
Что позади Москва
Чужая
И Казахстан —
Уже чужой...

* * *

Под сенью надежного крова
Висит на гвозде у стены
Армейская сумка отцова
С далекой победной войны.

Лежат в ней медаль «За отвагу»,
Потертый военный билет,
А наградную бумагу
Венчает известный портрет.

Хранитель той сумки до срока
Ушел из позорной страны,
Охаявшей зло и жестоко
Реликвии славной войны.

Еще ошкурят отморозки
И всякий отрепьевский сброд
И дивные наши березки,
И наш дурковатый народ.

Презревшая недоумков,
Висит на гвозде у стены
Армейская батина сумка
С далекой победной войны.

ГОСПОДА ОФИЦЕРЫ

Под звон бокалов и стаканов
Страна заходит в новый год.
Дурманит песнею Газманов
И офицеров, и господ.

До хрипа надрывая глотку,
Не замечает он, чудак,
Что офицеры глушат водку,
А господ, поди, коньяк.

Защитники и лицемеры
Не породнятся никогда.
Дают присягу офицеры,
Плюют на клятву господ.

Какой навет, какое свинство!
Какой неведомый урод
Увидел братское единство
У офицеров и господ?

Опять по боевой тревоге
Бросают офицеров в бой.
Их подрывают по дороге,
Их подрывают под водой.

Лишив достоинства и веры,
Толкает в бездну их беда:
На дно уходят офицеры —
Со дна всплывают господа!..

* * *

Кряхтел мотор над головой,
Во поле пушка пукала.
Игралась битва под Москвой
Без Сталина и Жукова.

Глазел кремлевский тихий вождь
Очами воспаленными
На этот доблестный галдеж
Под старыми знаменами.

А небо плакало дождем
При виде войска хилого.
Увы, не оказалось в нем
Клочкова и Панфилова.

Трясли дедули головой
И молодостью бредили.
Игралась битва под Москвой,
Как жалкая комедия.

И, торжествуя, дотемна
Вояки колобродили.
Но пожалела ордена
За эту дурость Родина.

ЗАВЕТ

Пускай мы в бронзе и граните,
Мы видим вас, мы слышим вас.
Вы нас, пожалуйста, храните
От громких слов и пышных фраз.

Не ради почестей и званий,
Мы шли когда-то в смертный бой.
Мы в час жестоких испытаний
Прикрыли Родину собой.

О, как обидно за державу,
Где мародеры и шпана
Разворовали нашу славу,
И подвиги, и ордена.

Они украли наши песни
И осквернили их напев.
Лишь неподвластны силе бесей
Ни русский дух,
Ни русский гнев.

Во все века неистребимы
Земля, деревья, облака.
Пускай склоняется рябина
Над нами знаменем полка.

БРЕСТСКАЯ КРЕПОСТЬ

Александру Лукашенко

Я это священное место
Предать и забыть не могу.
Седые развалины Бреста
Доныне не сдались врагу.

Храня гробовое молчанье
И верность славянской душе,
Безвестные орловчане
На славном стоят рубеже.*

Чертям и богам неподвластный,
Молюсь, преклоняюсь, горжусь,
Что стала воистину красной
Прекрасная Белая Русь.

Никто — ни холопы, ни князи —
Не в силах ее очернить.

* 6-ая Орловская Краснознаменная дивизия участвовала в обороне Бреста.

Она отряхнулась от грязи,
Чтоб лик в чистоте сохранить.

Мы стали мудрей и суровой,
Мы знали, что в горестный час
Ближайшие братья по крови
Не отвернутся от нас.

В друзьях и врагах разуверясь,
Вступились они за Союз,
Когда озверевшая нерусь
Распяла Державную Русь.

Ни мира, ни дружбы, ни славы
В обиженной Богом стране.
Развалины прежней державы
Дымятся в крови и огне.

Я вижу заветное место
На дальнем святом берегу.
Доныне защитники Бреста
Прицельно палят по врагу!

Владимир Чистополов
(г. Йошкар-Ола)

ВОТ И КОНЧИЛСЯ ОПЯТЬ ГОД

Чистополов Владимир Иванович, 1953 года рождения. Член Союза писателей РФ, Заслуженный журналист Республики Марий Эл, работает в республиканской газете «Марийская правда» ответственным секретарем. Автор поэтического сборника «Я всю жизнь хожу по краю» (1997 г.), публиковался в коллективных поэтических сборниках, стихи и рассказы печатались в республиканских и российских СМИ, один из авторов антологии русской прозы Марий Эл «Короткие встречи».

* * *

Вот и кончился опять год
И привыкли, что другой век.
Не замедлился Луны ход,
Также падает с небес снег.

От свечи идет живой свет.
Можно выпить, если есть с кем,
Откажусь, махнув стопарь, пить
И соленый огурец съем.

Хорошо, когда вокруг гам,
Изобилует едой стол.
И в присутствии чужих дам
Глупо пыжится мужской пол.

Где-то в Африке опять мор
И в Израиле опять взрыв,
А у нас едой забит стол
И в сортире без конца слив.

Между рюмками, устав пить,
О России завели спор,
Дескать, нонешней стране смерть,
Потому что тут везде вор.

Дескать, злобен в нищете люд,
Значит нужен нам опять царь,
А иначе на Руси пьют,
Ну, а пьяный, он всегда — тварь.

И опять под рататуй влет,
(За Отчизну не грешно пить)
Соколами стопари в рот —
Чтобы было хорошо жить.

А скукоженный юрист-плут
И какой-то журналист-пень
В унисон: мол на Руси пьют
Те кому вообще пахать лень.

И не нужен никакой царь,
Надо всем свободно жить дать,
Там где царь — всегда полно харь,
Будут бить и из страны гнать.

Кто-то крикнул из угла — блуд!
Вашим доводам цена — грош,
Только божий есть на все суд
И любая власть под ним тож.

От пороков надо в лес, в глушь,
Чтобы к Господу открыть дверь
Для заблудших в темноте душ —
Это главная для всех цель.

Много было за столом слов,
Каждый с выводом своим лез.
Дамы ели с алычой плов
И шнырял по декольте бес.

Я простился и прошел в лифт,
Он унес меня с небес вниз,
Был я чуточку совсем крив
И прохожим говорил: «плис».

А под арками была темь
И я чувствовал, что я клоп,
Вышло где-то человек семь,
Без базара — кулаком в лоб.

Говорят мне: замолчи, вошь,
Может думаешь, что ты крут?
Раздевайся, если жить хошь,
А не то, считай что ты — труп.

Я по улице бежал вскачь,
Снова лифт меня унес вверх,
Где какой-то подшофе врач
Успокаивал вокруг всех.

Дали выпить за конец бед,
Отогрелся и за стол сел.
Завернув себя в чужой плед,
Я соленый огурец ел.

И участием кипел всяк,
И советовать ко мне лез,
Как достойно избегать драк
И безлюдных по ночам мест.

Снова вспыхнул за столом спор,
Кое-где переходя в крик:
Почему у нас в избе сор,
И не надо ли менять ЦИК?

О ЛЮБВИ

На огородах горбато пластаются люди.
Ветер траву задувает в случайные щели.
И, положив на живот истомленные груди,
Толстая тетка открыла прохожему двери.

И окунулся продрогший голодный бродяга
В тесной избы кислотовато-потливую сладость,
И не залаяла в будке худая дворняга
Сердцем собачьим почувствовав теткину слабость.

Осенью сумерки рано ложатся на землю,
Тянется ночь не спеша, словно путь на Голгофу.
Странник уставший, шумливо и трепетно дремлет,
Съев натошак покропленного салом гороху.

Но не затем приютила прохожего тетка,
Чтобы задаром кормить его хлебом и салом.
Он в эту ночь для нее — дорогая находка.
Жуть одиночества напрочь с кровати прогнал он.

И, занавесив потершимся ситцем иконы,
Свет потушив и внезапно решившись на шалость
Тетка приникла к прохожему с тягостным стоном,
Сипло шепнув ему в ухо: «Погрей меня малость».

И обвила его крепко за тощие плечи,
И навалилась упрямо и очень мясисто.
Заспанный гость, опасаясь телесных увечий,
К двери рванул, на ходу закричав голосисто.

Бабы бывают порою во многом повинны.
В частности, даже в падении города Трои.
Ночью осенней холодной, промозглой и длинной
Дафнис зачуханный тек от назойливой Хлои.

И серебрился поганый туман над болотом
Там, где, скукожившись, прыгали мелкие звери.
Ежели вам полюбить непременно охота
Лучше держать затворенными накрепко двери.

Только тогда поумнеют беспечные люди,
Если закрыть их, прибавив при этом по роже.
И на пропахшие дымом Отечества груди
Голову склонит любой суетливый прохожий.

* * *

Испокон по всей земле знают человеки,
Что когда-нибудь придет их последний час.
Неохота умирать в 21 веке —
Это как набрать «очко» и глупо крикнуть «пас»!

А чего теперь не жить — хлеба всюду вдоволь.
Да, воруют, как всегда, но зато не мор.
Первой картою на стол выпал туз бубновый,
Значит, есть с чего начать про удачу спор.

300 лет тому назад было много проще,
Жизнь не стоила тогда медного гроша.
Люди верили в судьбу да святые мощи,
И брела на свет свечи грешная душа.

Иногда летели в пыль царские короны,
Ну, а чаще люд простой тупо падал ниц.
И дородные попы в целях обороны
Примеряли на себя кротость светлых лиц.

А бродяга, пьяный вдрызг, славя Божью Матерь,
Осеял себя крестом и чудес просил...
Неожиданный расклад — три шахи — на скатерть,
Между прочим, иногда счастье приносил.

Никому вокруг нет дел до чужих напастей,
Не меняют во дворе рубль на луидор.
Кто-то где-то втихаря так тасует масти,
Что всегда тебе в конце будет перебор.

Снова брошены на кон тихие печали,
Никакого буйства чувств или торжества.
Карты падали на стол... Голоса звучали...
Возводилось мастерство в степень колдовства.

Все еще имеет цель, все еще возможно,
Не протухли от еды зоркие глаза.
Из колоды серых дней очень осторожно
Надо вытащить на свет «десять» и туза.

ПРО КРИЗИС

Я вчера попал в больничку —
Перенервничал слегка:
Сунул Лехе в ухо спичку
С ловкостью мамелюка.

Он хандрил передо мною,
Долгий кризис обещал,
Издевался над страной,
Девальвацией страшал.
Говорил, что голос слышит,
Извещающий извне,
Что повсюду едут крыши,
И валюты нет в казне.

Я его от этих слухов
По-товарищески спас:
Сунул спичку прямо в ухо —
И затих враждебный глас.

Что тут, братцы, приключилось —
Сразу трудно рассказать:
Доброхотов рать явилась
По рукам меня вязать...

Налетели, закрутили,
И какой-то идиот,
Распалившись в хилой силе,
Пнул меня ногой в живот.

А потом укол и койка,
Встреча с добрым главврачом,
И пустырника настойка,
И беседа ни о чем.

Подходили пациенты,
Вопрошали, что и как,
В основном про дивиденды
И про кризисный напруг.

Вижу — нету сумасшедших:
Изнуренный жизнью люд,
Вроде ангелов сошедших,
Если ангелы запьют.

Озабочены серьезно:
Кризис, сука, доконал,
Говорят, пока не поздно,
Надо выпить барбитал.

Или что-то вроде плана
На бумаге набросать...
А от плана — все в нирвану,
И захочется плясать.

Да, идея неплохая,
Но цена ей — медный грош.
План легко найти в Шанхае,
А в больнице не найдешь.

Можно, правда, выпить водки,
Водка, кстати, есть везде,
Но от водки сушит глотки,
Если соли нет в грузде.

Прошагал по коридору
Вова — добрый санитар,
Ищет парень мандрагору,
Чтобы сделать нам отвар.

Он прославиться желает,
Всем врачам наперекор,
Мандрагору откопает —
И снесут вокруг забор.

А меня он, между прочим,
От кровати отвязал,
Я обрадовался... очень...
Но с матраса не слезал.

Мало ли... Один отпустит —
Трое кинутся ловить...
Сгоряча еще опустят
Или рожу станут бить.

Я сижу на одеяле,
Слезы капаят из глаз,
Что и где мы прозевали?
Объясните, васисдас?

За окном стрижи летают,
Ни тайфунов нет, ни бурь,
Люди благостно икают
На небесную лазурь.

Где-то прячется Мессия,
Не желая лезть крест.
И, как многие в России,
Не работает, но ест.

* * *

Бабка купила сыру,
Грамм этак, может, сто.
На улице было сыро,
Плохо грело пальто.

Новой весны начало —
Время любви и грез.
Ветром ворон качало
В капищах старых гнезд.

Лифт скрежетал и ухал,
Лазя по этажам,
И, рассунося брюхо,
Шумно людей рожал.

Отгородясь от мира,
Взвизгнула дверь свиньей,
И поплыла квартира
Вместе со всей Землей.

В тихий бездонный омут
Пресного бытия,
Где незаметно тонут
Молодость и друзья,

Где до скончания века
Все же возможность есть
Бедному человеку
Сыру кусочек съесть.

Вкусно и очень грустно.
Стынет в стакане чай.
Это почти искусство —
Старость одной встречать.

Не покриветь душою,
Не проклинать себя,
В малом искать большое,
Прошное тереть.

Радоваться по-детски
Значимым мелочам.
Верить, живя простецки.
Радио и врачам.

Как островок ампира
Гушу худых лачуг,
Вкусный кусочек сыра
Жизнь приукрасил вдруг.

Ела она, как кошка,
Гнулась к земле хребтом,
Жадно ловила крошки
Черным беззубым ртом.

И по бульварной сини,
Остановив свой бег,
Шел, обрусев, в России
Наш двадцать первый век.

Сумерки были зябки
В согнутых спинах крыш,
И не хотелось бабке
Этой весной в Париж.

Олеся Маматкулова
(г. Алексин)

Родилась в городе Щекино Тульской области в 1980 году. Окончила Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. С 2002 года живет в городе Алексине, работает учителем биологии в сельской школе.

АНЮТА

У Анюты новые игрушки
И почти что новая кровать,
Но ее льняные завитушки
Не погладит Ане больше мать.

Отказалась мама от Анюты.
Как кукушка бросила чужим.
Только стены детского приюта
Станут домом девочке родным.

Здесь тепло, красиво и уютно,
И вокруг всегда полно людей...
Но никто не будет поминутно
Греть любовью, ласкою своей.

А могло быть все совсем иначе
У девчушки этой озорной...
Только ночью нянечка поплачет
Над несчастной Аниной судьбой...

* * *

Снова яркая девушка осень
Заглянула в мой город на бал.
Среди пасмурной зелени сосен
Разожгла цвета жаркий запал.

Всех оттенков душистого меда
Ее платье, накидка, платок,
Так и рвется огнем на свободу
Медно-рыжий шальной завиток.

Так и просится пламя на волю,
Обжигая кленовую грусть.
Пусть горят перелески и поле!
В ярком золоте плаваются пусть!

Пусть пылают осины в багрянце,
И возносится к небу душа...
Осень в этом чарующем танце
Так печальна... И так хороша!

* * *

Пуста конюшня за рекою,
Не слышно ржанье лошадей.
Все поросло дурман-травой.
Вороний грай да ширь полей.

Уже не цокают копыта,
Да и не брякает узда,
И жизнь былая позабыта,
Ушла. Исчезла навсегда.

И только ночью мне приснится
Как вместе шли на водопой,
Невеста словно, кобылица
И конь — красавец вороной.

Как жажду свежеею водою
С медвяным вкусом утолив,
Они дорожкой полевою
Летели к краешку земли.

Как танцевал красавец черный
Пред белой лошастью, как дым.
Какой же вздорной, непокорной
Она казалась перед ним.

Как после шли, и темным глазом
Смотрел он нежно на нее,
И было в этом взгляде сразу —
Любовь, тепло и счастье все!

...Пуста конюшня за рекою.
Не слышно ржанье лошадей.
Все поросло дурман-травой...
Но живо в памяти моей!

РЯБИНА

Мне часто снится отчий дом.
Передо мной стоит картина:
Девчушка юная с отцом
Сажает тонкую рябину.

Дает отец ей свой наказ:
— Запомни, дочка, мое слово,
Чтобы не прятать в землю глаз,
Заветам будь верна Христовым:

Не заносись и не груби,
И не желай себе чужого.
И как себя, людей люби,
Да крепко помни мое слово...

Несутся годы напролом,
Другим даря для жизни нишу,
Вернувшись снова в милый дом,
Наказ отца повсюду слышу:

— Люби,— мне шепчет ветерок,
— Люби, кричат мне в небе птицы,
— Люби,— поет мне ручеек.
— Люби... и слезы жгут ресницы.

Люби... Люби... И я люблю
Людей, свой край, страну и дом.
За папу Бога я молю...
У той рябины подо окном

* * *

Уговаривал огонь лучину:
— Подпусти меня к себе поближе,
Я тебя не бойся, не обижу!
Волноваться, слышишь, нет причины!

Подарю созвездья поцелуев,
Аметисты угольков, рубины,
Наслаждений дивные картины
Золотою кистью нарисую.

Я дыханьем обогрею нежным,
Обниму и искупаю в ласке!
Подпусти! С тобой сойдемся в пляске
И утонем в радости мятежной!

Подпустила. И свои посулы
Огонек сдержал: увлек лучину.
А она, не разглядев личину,
Вся сгорела, искрой упорхнула.

И теперь она звездой яркой
На огонь любитесь в томленье.
Пусть всего одно, ОДНО МГНОВЕНИЕ,
Но в любви она пылала жаркой!

* * *

Кружатся в загадочном танце
Снежинки за тонким стеклом
В безмолвном серебряном глянце,
Забывшись мистическим сном.

Аргеста пленив в реверансе,
Тягучий заводят фокстрот,
И в медленном плаваются вальсе,
И дружный ведут хоровод.

Партнеры сменяют друг друга,
Не вспомнить ни лиц, ни одежд
В безвременье вечного круга,
Больших не питая надежд,

Что будут как прежде встречаться,
Впадая в безумный запал,
И без сожаленья простятся,
Лишь вьюги закончится бал.

Не скажут тихонько: «До встречи»,
Не вымолвят робко: «Прощай...»
С теплом не обнимут за плечи,
Слезу уронив невзначай...

Владимир Резцов
(г. Тула)

СОНЕТЫ
(1981—2009)

СОНЕТ № 7

Меркурию предался Гименей.
Там, где поэтов участь незавидна,
На ярмарке, где продают людей,
Мать торговала дочерью бесстыдно.

И покоряясь темным силам зла,
Святую страсть легко назвав причудой,
Богатого невеста предпочла,
Стократ благословленная Иудой.

Бумажный век любовь поработил,
Все растоптал; и в нарушение правил
Орел над страшной бездной гордо взмыл,
Но исполинских крыльев не расправил...

То был не сон. То было наяву.
Зачем родился я? Зачем живу?

СОНЕТ № 8

Когда утратишь то, что не имел,
Не растекайся мыслию по древу;
Вчерашним днем не будь излишне смел,
Не предавайся суетному гневу;

От горечи и боли – не кричи,
Хотя б имел ты веские причины;
Чужого сострадания не ищи, —
В безмолвии достоинство мужчины!

Судьбы неблагоприятный поворот
Переживем,— не вешаться же сдуру!
Ничто не вечно. Даже боль пройдет,
И станет ясным то, что было хмуро.

Не погибай, судьбу свою кляня!
Слова любви — пустая болтовня...

СОНЕТ № 9

Ленивопраздным сытный стол дарован.
Алкаш бездонной глоткой наделен.
Распутник грешной плотью очарован,
И, блуд творя, отнюдь не любит он.

О чем бишь я? В чем сущность размышлений?
Не в том ли, что порой последний жлоб
Обласкан среди вздохов умилений;
Везет ему, хотя и не должно б?

С чего бы так ему мирволит небо
Униженным трудягам вопреки?
Что, создан мир неправде на потребу?
А мы-то — в Бога верим, дураки!

Разгадка где? Трудна сия шарада.
А быть, как он... Спаси, Господь! Не надо!

СОНЕТ № 10

Кривляясь обезьяной там и тут,
Рисуясь всюду этаким павлином,
Юля пред сильным, слабого сожрут.
Что предъявить еще они могли нам?

Кому какое дело, если я
Отказываю им в рукопожатье,
Великодушно не зову в друзья,
Приятельски не распахну объятья?

Им без меня повсюду благодать:
За ними жизнь и будущее тоже;
Для них сотворена, ни дать ни взять,
Юдоль земная... даже рай, похоже!

...Любимый берег. В небе облака.
Я б знать хотел, куда течет река.

АКРОСОНЕТЫ
(2005—2009)

АКРОСОНЕТ № 1

Весенний день — одно воспоминанье.
Любовь была, и не было ее.
А за окошком вьюги завыванье,
Да ночи мрак уже берет свое.

Исполнилось пророчество бывшее:
Мечты давно рассеялись, как дым.
И чудится: «Эй, старый! Что такое?
Раздайся, дай дорогу молодым!»

Рехнулись вы! Какие наши годы?
Еще не вечер. Стариться? Смешно!
Засветит солнце, вновь увидим всходы,
Цветы подарим, снимемся в кино.

О невозвратном горевать не буду.
Вот допишу — и вымою посуду!

АКРОСОНЕТ № 2

Влекомый жаждой жизни, я живу,
Смотрю на мир и миром очарован.
Еще не раз зеленую траву
Весной увижу, восхищен, взволнован.

Озер пою серебряный простор,
Лугов ковры, полей апрельских всходы,
Осенних парков праздничный убор
Да в Новый год снежинок хороводы!

Речною гладью восхитись и ты!
Еловый лес прохладой подкупит...
Зачем, зачем бежать от красоты?
Целуй любя ту, что тебя полюбит!

О, кто там наверху, благослови
Весь этот мир, исполненный любви!

Наталья Квасникова
(г. Москва)

БОЛЬ ПАМЯТИ

Невозможно нам существовать без уважения к предкам, без знаний о своих корнях, без гордости за родителей, дедов и прадедов. Убеждена,— как бы ни сложились судьбы России и всего человечества, величайшие деяния советского народа — подвиги Созидания, Победы над фашистским монстром, Восстановления разрушенного хозяйства страны в считанные годы после освобождения от врагов останутся в исторической памяти людей уникальным, захватывающим дух примером для всех нынешних и последующих поколений.

БОЛЬ ПАМЯТИ

Встал сумрачный пейзаж передо мной,—
Весь в ряске пруд, семейство ив плакучих,
Седое небо в лиловатых тучах
И домик, развалившийся давно...

За ним была заросшая травой,
Уж много лет забытая могила,
И надпись почерневшая гласила,
Что в ней лежит бессменный рядовой.

Ушел он в сорок первом воевать,
Израненным вернулся в сорок пятом.
Мальчишку проводив на фронт солдатом,
Не дождалась его обратно мать.

России неизбывное терпенье
Нашло в пейзаже этом воплощенье.

ГОРСТЬ МАЛИНЫ

В шестидесятый День Победы
Седая женщина одна
Свои поведала нам беды,
Что ей доставила война.

Тогда, в блокадном Ленинграде,
Ей было пять неполных лет.

«Я помню — маму звали Надей,
А больше родственников нет.

Миг помню я коротко-длинный,
Худая мамина рука
Мне в рот вложила горсть малины,
Душистой, давленной слегка...»

Война живет — в осколке мины
И в сладком запахе малины...

ПОБЕДНЫЙ СОНЕТ

Майским днем веселый гражданин
Поживиться захотел немного.
Был он мелкий криминальный чин
И себя держал совсем нестрого.

В дом чужой проникнув без причин,
Догадался сразу, от порога,—
Ветеран войны там жил один,
В этот час он вышел ненадолго.

Пусто в доме. Старая кровать,
Ей пора на пенсию, бедняжке.
Стол хромой, богатства — не видать.
Вор на стол бросает две бумажки...

Через час вернулся ветеран.
В День Победы сыт он был и пьян.

ГОРЬКИЙ СОНЕТ

В июле тихо гаснет
Над пристанью закат.
Баян поет со страстью,
Рубли в берет летят.

Под солнцем и в ненастье
Уж много дней подряд
О грусти и о счастье
Играет всем солдат.

И молодость, и сила
В руках его, в плечах.
Что ж ног его лишило,
Судьбу низвергло в прах?

Века — от скуки буден
В войну играют люди...

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОНЕТ

Окуджава родился девятого мая.
Вся трагедия века была впереди,
И солдата не жгли ордена на груди,
От горячей войны на ветру остывая.

Он, весну за весной, год за годом листая,
Жил — с людьми в унисон и на общий мотив,
В чутком сердце поэзию разбередив,
Ничего о войне о грядущей не зная.

Парусами вздуваются кроны черемух.
Безымянные тени погибших солдат
Приплывают на праздник в их лодках зеленых.
В этот день очень красны рассвет и закат.

Ароматом черемухи дышит страна.
Горячи на солдатской груди ордена...

* * *

— Ты кто?
— Я — Смерть...
— Зачем ты здесь?
— Я принесла о сыне весть.
— О... сыне?..
— Первенце твоём,
Чтоб ты поплакала о нём.
Он был в бою,
Он стал герой,
Закрыв товарищей собой.
Я пулей в грудь его вошла,
О нём споют колокола.
Винить меня ты не должна,
Беду подстроила война.

ПОБЕДА

Ох, немало спето, сказано
О войне сороковых.
Доли нет, что с ней не связана,
И не будет для живых.
Довелось мальчишке-прадеду,
Некурящему сперва!..
Нахлебаться было дадено,
Раскуриться — лишь едва...
А прабабка-то невестою
Не осталась нипочем,
До отъезда с плачем, с песнею
Настояла на своём.

Расписался скоро-наскоро,
Через пару дней — на фронт...
Я теперь — спасибо, здравствую,
Для детей заря встает.

СУВОРОВ И УШАКОВ

Помнишь, батюшка Суворов,
Как смотрела гордо Русь?
Я ее упрямый норов
Узнавать в тебе берусь.

Как тебя союзник хитрый
В Альпах мыслил сбить с пути,
Но с победной ты орбиты
И в горах не мог сойти.

Помнишь, Александр Васильич,
Как взлетали паруса
Над российской флотилей, —
Ушаковская краса...

Лизоблюды потешались, —
Адмирал-то, Ушаков,
По-французски, мол, едва ли-с
Пару-тройку свяжет слов...

По-французски, по-английски
Разуметь и ни к чему,
Если он морским, российским
Мог затеять кутерьму...

Для российских поколений
Всем примерам — несть числа.
Воевод без поражений
Только Русь произвела.

Марина Русская
(г. Тула)

МОИ СТИХИ, ОНИ КАК ДЕТИ

Мои стихи, я вас люблю и благодарю, за то, что открыли мне еще одну замечательную страницу жизни. Красивую страницу. Страницу, которая заставляет задуматься над прожитым, оценить настоящее, поверить в будущее. Каждое стихотворение связано с определенными событиями или людьми.

Чем живет человек? Надеждой, верой, любовью и мудростью. Все это отражено в моих стихосложениях. Кто-то ждет рифмы. Этого не будет. Стихосложение без рифмы гораздо сложнее, они выстраданы и идут из сердца. Благодарю вас, мои стихи! Я вас очень люблю, вы нравитесь моим близким друзьям и надеюсь, что вас оценят и поймут.

Мои стихи, они как дети,
Рождаются в ночи.
Мои стихи, они, как любовь,
Приходят сердце бередя.
Мои стихи, они, как ливень,
Потоком слов смывают пустоту.
Мои стихи, они, как сон цветной,
Увидишь и забыл, что есть другие сны.

Мое отношение к жизни, может быть, мое назначение в этой жизни выразилось в стихотворении «Вид в даль». Появилось оно очень просто. Я глядела в окно своего кабинета. Огромное окно, сквозь стекла виднелся кусочек неба и макушки берез, а я думала о том, что надо сказать уборщице, что пора помыть окошко.

Как пришло стихоплетение, я и сама не поняла — просто записала слова. Вот они перед Вами в первозданном виде. Это моя альфа...

ВИД В ДАЛЬ

Березы высотой до неба!
В листве запутались сережки
И где-то вдалеке «ку-ку» кукушки.
Как интересно? Сколько лет мне жить?
Нет, я загадывать не буду!
Бог Солнца Ра поведал мне,
Что жизнь есть вечность,
Жизнь есть цикл —
Круговорот людей в живой Природе!
— Кем в прошлой жизни я была?

Ответь мне, Солнце!
— А в прошлой жизни ты была
Жрецом, актрисой и погонщиком верблюдов.
Сейчас ты — Талисман
И помощи твоей ждут люди,
Но избраны не все.
Запомни главное, что власть, богатство —
Это не успех, не счастье, не удача.
А главное...
Березы высотой до неба!
Кукушка, чтобы куковала
И радуга повисла коромыслом,
Встречать рассвет и провожать закат,
И Солнце — покровитель всей живой Природы!

Есть легенда о том, что люди когда-то были соединены вместе — мужчина и женщина. Не понравилось это Зевсу, что делали они все быстрее богов,мышленнее были. И своим высочайшим повелением разделил он их. С тех пор ищут свои половинки мужчины и женщины... Следующие два посвящаются моей половинке...

* * *

Я тебя узнаю по дуновенью ветра,
По цвету глаз, по силе чувств.
Ты придешь, когда уж ждать устану.
Ты посмотришь пронзительным взглядом
И говорить не надо будет ничего.
Тебя согрею теплом души.
Я буду ждать всю эту жизнь
И будущую тоже,
И наши параллельные пространства,
Нарушив все законы пересекутся,
И наши измерения сольются
В потоке светлых чувств
И радости ЛЮБВИ!

ЖИЗНЬ...

День сегодня улыбнулся
Солнце светит в небесах
Ты опять ко мне вернулся,
Вот уже в который раз.
Я простила, я забыла
Горечь всех своих обид
И опять тебя пустила
В дом и на свою кровать.
Ты не клялся, не божился,
Ничего не обещал
Только тихо помолился
За судьбу, что нас свела.

День сегодня улыбнулся,
Вечер тихий наступил.
Мы с тобой сидим за чаем,
Говорим о пустяках.

Жизнь сегодня стала счастьем
Для тебя и для меня...

Следующее посвящаю всем мужчинам бальзаковского возраста, с которыми меня свела добрая судьба и дружба. Что мы без вас? Только правду стесняются тет-ки сказать, что без вас нам очень и очень грустно: и наряды ни к чему, и стрижечка красивая не к лицу, и тусклый свет из-под ресниц пушистых, и дома разбросаны вещицы. Без Вас мы — мымы! Это я Вам, как Женщина говорю!

Мы случайно встретились взглядом
И разряд электрический тронул сердца.
Я сказала: «Вот то, что надо!»
Он подумал: «Она права!»

Счастье наше было так близко,
Мы мечтали о первой любви.
Я сказала: «Вот то, что надо!»
Он подумал: «Она права!»

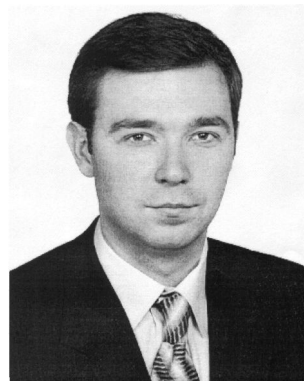
Отменить надо все предрассудки,
Возраст наш не помеха любви.
Я сказала: «Вот то, что надо».
Он подумал: «Она права».

Мы ушли от случайного взгляда
И лишь тронули чувства сердца.
Я сказала: «Оно мне надо?»
Он подумал: «Она права».

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

ВОЕННЫЕ СНЫ

Олег Викторович Пантюхин в последние годы активно работает в жанре лирической и гражданской поэзии, состоит в Щекинском литобъединении «Поэтическое братство», является членом редколлегии журнала «Приокские зори». Работает директором издательства Тульского госуниверситета и доцентом этого же вуза. Является не первый год председателем Совета молодых ученых ТулГУ.

Давно отгремели разрывы,
Травую давно поросли
Воронки, поля и могилы
Героев российской земли.

Но память опять будоражит,
Заснуть до утра не дает
Живым, уничтожившим вражий
Немецкий насильственный гнет.

Один парадокс есть у жизни:
Солдату в землянке сырой
Всю ночь снятся сны об Отчизне
И матери с детства родной.

А в мирной ночи оживают
Картины военных тех лет,
В солдатской душе оставляя
Свой незаживающий след.

Промчалась годов вереница,
И, кажется, что никогда
Не будет уж больше им сниться
Проклятая эта война.

Не будет пускай лихолетья,
Не нужно нам больше войны,
Пусть людям под небом свободным
Всю ночь снятся мирные сны.

Давайте же будем достойны
И памяти будем верны,
Людей, победивших все войны,
Героев российской земли!

* * *

Нельзя шутить с судьбою,
Со случаем шутить.
Ты доброю душою
Всегда старайся жить.

Кипучей суетою
Охвачен мир вокруг
Но будь в ладу с собою,
Порвав порочный круг.

Счастливые мгновенья
Порой спасают нас:
Друзья, стихотворенья
И свет любимых глаз.

